

Юбилей Вех. ксюз. — 1996. — 12 ноября. — с. 7

«Мне страшно превратиться в мудрости исчадь»

Этой строкой поэта был назван юбилейный вечер в ЦДЛ Александра Кушнера, отметившего 60-летие. Ведущий Олег Чухонцев назвал это собрание встречей "расширенного круга друзей".

Вспомним, как в начале 60-х годов весьма скупая на похвалы Анна Ахматова с восхищением отзывалась о молодом ленинградском поэте, поставив его почти рядом с "нашим рыжим" — так Ахматова называла Иосифа Бродского.

Может, перехвалила? Слушая в ЦДЛ почти два часа подряд стихи Кушнера, автора одиннадцати сборников стихов (все вышли на родине — в Питере, в Москве — ни одной!), понял, нет — не перехвалила. Без всякой юбилейной риторики скажем — перед нами выдающийся поэт современности, "классик по совокупности содеянного", как выразился Чухонцев.

Кушнер — не поэт огромных залов и толпы поклонников, не мятежник, не экспериментатор. "Большой поэт не имеет права на эксперименты. Это удел подмастерьев", очень кстати напомнил Чухонцев слова Пастернака. Но в то же время — новатор, отметил многолетний друг Кушнера, "учитель Бродского" Евгений Рейн. Новатор в глубинном, высшем смысле слова, освоивший "целый материк в извилинных лабиринтах души человека".

Александру Кушнеру равно чужды и пафос, и эпос. Поэт признался, что никогда не писал поэм. ("Я всю жизнь пишу один лирический роман"). Тончайший лирик, поэт узорчатой канвы, простых слов и вечных тем, поэт точной детали и подчас неуловимого смысла. Да, он весь оттуда, из веков "золотого" и "серебряного", в то же время глубоко оригинален и удивительно современен. На замечание ведущего, что "Кушнер сделал для русской поэзии то же, что и Марсель Пруст для французской прозы", Кушнер, несколько смутившись от

"этаких похвал", сказал: "Да, это мой любимый писатель"...

Но почему же именно Пруст? "Расшифровка" не предлагалась, но она напрашивается, если мы вспомним название главной книги Пруста. Вслед за французским классиком поэт "ищет утраченное время". Не случайно в поэзии Куш-

нера разбросаны многочисленные культурные символы, "вехи" прошлых эпох. Своим словом поэт обращается к аудитории просвещенной, интеллектуальной. Его поэзия — не легкое чтение или "слушание", но он отнюдь не "поэт для поэтов". Как и Пушкин с его культом античности, поэты Серебряного века с их многочисленными культами прошлого, Кушнер поддерживает связь времен, тянет нить культурной традиции. Его строки завораживают своей глубиной и афористичностью. "Но мне повезло, я родился в России", "Я старости боюсь, она стихов не хочет", "Плачет Бог, читая на том свете жизни незамечательных людей" — продолжать можно бесконечно.

Из ответов на записки из зала и коротких реплик поэта мы узнали, что он начал писать стихи лет в восемь, что в Москве бывал, наверно, "раз двести", здесь у него множество друзей. Поэт сожалеет, что в Москву попадает лишь небольшая часть тиража его книг, но очень дорожит тем, что его регулярно печатают в журналах "Знамя" и "Новый мир". Поблагодарив за многочисленные поздравления, Кушнер отметил, что вообще ему "этот юбилей поперек горла встал" — ему страшно превратиться в "мудрости исчадь", а просто хочется читать свои стихи тем, кто его любит.

Леонид ТЕРЕХОВ.